

Актеру Академического Большого драматического театра имени Горького Сергею Юрскому недавно присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Статью нашего комментатора по театральному искусству, кандидата искусствоведения Ю. Смирнова-Несвицкого, посвященную творчеству С. Юрского, читайте на 4-й странице.

СМЕНА
г. Ленинград

15 июля 1964

Кажется, критики уже подробно высказались об этом актере. Но бывает так, что актерские создания вновь и вновь побуждают к разговору. Это когда встречи с ними перерастают театральные рамки и становятся живой приметой каждодневности.

Когда спорят о Сергее Юрском, обязательно заговаривают о так называемом самовыражении. Говорят — Юрский всегда непохожий. Он, дескать, сплошное многообразие, и диапазон сыгранных им ролей необозрим: от Адама из «Божественной комедии» до барона Тузенбаха в чеховских «Трех сестрах». Это верно, но это еще не все. История театра знает многих актеров, поражающих многоликостью, перевоплощений, владением всеми жанрами — от клоунады до трагедии. Но приходил, как говорится, день «страшного суда», и история спрашивала у такого актера: ну, а ваша сокровенность — в чем она? И если актеру было что ответить — он оставался в памяти людей как определенная индивидуальность, как личность.

Юрский покоряет прежде всего

Драматическая печаль актера, сыгравшего гуманность в чеховском спектакле, переплавляется в изничтожающий, беспредельный гнев, когда речь идет о Дживоле. И получается своего рода рассказ о свете и тенях XX века...

В некоторых ролях Юрского вырывается наружу как бы сам актер, сам своею персоной, со своим характером, обликом и взглядом. В таких случаях Юрский для меня становится своеобразным «героем из жизни», обладающим силой примера. В таком вот «лирическом герое» Юрского отразился в свое время определенный тип молодого современника.

Особенно черты его выявились в образе лейтенанта Часовникова из спектакля «Океан». Не забыть отчаянности Часовникова, когда тот, заприметив в окружающей его обстановке, в близком друге признаки какого-то душевного застоя, черствости, автоматизма и не зная, какой выход дать своему настроению, бросался в бунт против военных патрулей. Он снимал с себя, усевшись на землю, сапоги и, размахивая ими, шел навстречу изумленным блюстителем

лось с той поры, когда все впервые услышали о Юрском...

Сегодня фантастическая энергия бросает актера то в «Республику Шкид», то в «Золотого теленка», то на телевидение, то на эстраду. Ему нужен фейерверк жанров. Его работы поистине энциклопедичны. По природе своей, если можно так сказать, актер-просветитель, Юрский отлично, например, пропагандирует по радио и телевидению многих писателей, известных или несправедливо забытых. Его взгляду на пушкинское творчество может позавидовать любой литературовед. Но во сто крат необходимее сейчас Юрскому, да и зрителям, театральные роли, в которых бы артист мог рассказать, как себя чувствует сегодня новый Часовников, его герой второй половины шестидесятых годов...

Не так давно Юрский сыграл небольшую, почти эпизодическую роль в спектакле «Сколько лет, сколько зим» В. Пановой, и стало понятно, как много он мог бы сказать о своем современнике.

Он играет некую инженера Ливневского, которому кажется, что его начальник слишком подчеркивает свое служебное положение.

Однако присмотримся к этому вот маленькому и странному конфликту между начальником и Ливневским. С какой любопытной проблемой столкнулся актер! Из двух «равноценных» сотрудников, братьев по духу, один выдвигается в начальники. В их отношении вторгается элемент официальности, затрагивающий у обоих подсознательные «центры раздражения». Молодые герои испытывают трудности как раз в этом направлении, ссорясь между собой «без причины». Нравственная проблема — весьма острая. Но она только угадывается в этом спектакле...

Вот и получается, что Юрский играет по-прежнему много и интересно, но к коренным проблемам сегодняшнего дня пока не может пробиться.

Недавно артист сыграл Эзопа в спектакле «Лиса и виноград». Его игра пронизана скорее ироническим созерцанием, чем бесстрашным романтическим порывом, с каким исполнял эту роль в свое время В. Полицеймако.

Критическое направление ума отличает и новую работу Юрского в спектакле «Правду! Ничего, кроме правды!», где он выступил вновь в коротком эпизоде «Даниэль Дефо у позорного столба».

Однако ядовитый сарказм, прусский Юрскому, заостренный против антигуманизма, может показаться слишком односторонним без подкрепления новым пафосом, без утверждения нравственных идеалов, рожденных сегодняшней жизнью. Я не имею в виду ничего отвлеченного. Мне просто хочется увидеть Юрского в роли, где бы артист вновь «представительствовал от поколения». Ведь как-то продолжается в сегодняшней жизни его Часовников или тот же Олег Савин.

...Поэт Павел Коган когда-то воспел косой, стремительный угол и назвал равнодушным овал: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Юрскому приходится сегодня порой рисовать талантливые овалы, тогда как истинный его герой тревожнее, проблемней — острый угол.

В нашей жизни имеются проблемы, явления, нюансы, которые удается раскрыть только эксцентрическим соединением высокого и обыденного, трагического и смешного, жесткого и трогательного. Сергей Юрский обладает этой удивительной импровизационной способностью совмещать несовместимое, поддевать на крючок иронии и вместе с тем выражать мужественный идеал нового героя.

Пусть же Сергей Юрский рисует свой острый угол!..

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

ПУСТЬ РИСУЕТ ОСТРЫЙ УГОЛ!

самобытной индивидуальностью, «состоянием» своей личности. За каждой темой, сыгранной Юрским, угадывается очень определенная позиция художника, имеющего свое гражданское отношение к событиям, происходящим вокруг нас.

Казалось бы, что общего между чеховским Тузенбахом из «Трех сестер» и Дживолой (Геббельсом) из «Карьеры Артуро Уи» Б. Брехта?

Тузенбах Юрского пытается пробиться к человечеству сквозь глухую стену. Вспоминается фигура Тузенбаха у рояля в доме сестер Прозоровых. Он нервно поигрывает пальцами или протирает очки... Каждый нерв в нем дышит, он живет, он страдает, любит и надеется.

Но вот в «Карьере Артуро Уи» Юрский играет совершенно мертвенного Дживолу, не человека — оборотня. Возложив ноги на спинку кресла, он улыбается страшный улыбкой-маской, резким механическим оскалом. Собачьим. До ушей. С холодными, злобыми глазами. Все в нем отдает фальшью. Кажется, будто и хромает он нарочно.

Как будто нет ничего общего между этими двумя актерскими работами? Но и в душевной ранимости Тузенбаха, и в мертвенной маске Дживолы просматривается общее — единая позиция актера, угадавшего нечто от мироздания в целом, от парадоксальности XX века, в котором рождаются не только чеховские герои, но и ненавистный людям тип политического демагога, каким был, к примеру, Геббельс, сжигавший на костре нацизма и Чехова, и Гете, и Ремарка.

военной дисциплины. И, громко изливая невысказанную боль души, пел хриплым голосом: «Арвидерчи, Рома...»

В зале смелись над наивным поступком Часовникова, но, осуждая его, понимали, что Часовников шел на публичный скандал за идею, которая казалась ему гуманной и справедливой. Часовников совершал ошибку, нелепость которой актер передавал с огромным чувством юмора, но сам герой был искренен в своих заблуждениях... И в этой своей неистовой искренности Часовников, как доказывал театр, был по-своему значителен и необходим для общества.

Пусть горячий Часовников заблуждался, но Юрский очень убедительно показал, что есть в нем тревога и поиск, и гражданская нетерпеливость, жажда прекрасного поступка.

«Лирический герой» Юрского мог удивлять своей нескладностью и колючестью. Как видно было по игре, артиста привлекало самое здоровое, наступательное и благородное в мальчишках, настоящих рыцарях своего поколения, влюбленных в «Балладу о солдате», электронику и Хемингуэя. Тревожных, ищущих этих мальчишек Юрский решительно отделил на сцене от сытых и наглых, стремительно омещанившихся юношей.

В Юрском и важна эта сокровенная тема современника. Актер как бы представляет от определенного поколения... И мне кажется, что теперь наступает какой-то новый этап, когда время требует развития темы лирического героя Юрского. Время равнолосось вперед, и многое измени-